

оук

ЛБ

5

911.

И. ТЕРЕНТЬЕВ

КРУЧЕНЫХ

ГРАНДИОЗАРЬ

ГРАНДИОЗАРЬ.

Крученых самый прочный футурист как поэт и как человек.

Его творчество—крученный стальной канат, который выдержит любую тяжесть.

Про себя он говорит:

Забыл повѣситься

Лечу к Америкам

(из его книги „Взорваль“)

а в „важные минуты“ жизни Крученых молится:

беляматокияй

(оттуда же)

С этими двумя фразами он может пройти вселенную нигдѣ не споткнувшись! Потому что в них ровно ничего не сказано, они великое ничтожество, абсолютный нуль, радиус котораго, как радиус вселенной—безмѣрен!

Никто до него не печатал такого грандіознаго вздора—Крученых воистину величайшина, грандіозный пуль, огром!...

Со смыслом жизни на 5-й минутѣ покончив
Ищу нелѣпія упорных маслаков

Чтоб грызть их зубами отточенными
Каких не бывает у заморских грызунов!
Моя душа—эссенція кислот
Растравит кость и упругія стали
Слюну пускает без хлопот
На страшном разстояніи
Не зная устали
Транспорт будалый!...

(из его книги „Тушаны“)

Когда публично выступает он с самостоятельным докладом, его лицо, перекошенное судорогой зѣвоты, кажется яростным, он выкрикивает полныя сочной скуки слова и доводит до обморока однообразным построением фраз...

Ему возражают цивилизованные джентльмены, но в этот момент вы начинаете понимать насколько неопровержим Крученых, что из его гримасной слюны рождается пятноса Афродита, перед которой вѣжливо принуждены расшаркиваться приват—доценты.

Такова творческая сила нелѣпости:

. . . Голая чушь

Какой не бывает короче

И злѣй и глуше

(Крученных „Город в осаду“)

И будет не то что мы в газетѣ ежедневно
читаем

Перепутаю всѣ края

Выкрою Нью-Йорк рядом с Китаем
И в началѣ происшествій и новых алфавитов
поставлю

Я.

Будет Чехов сидѣть на французской горчицѣ
Перьев своих сильнѣе острясь
На колѣни к нему в восторгѣ вспрыгнет спи-
на пѣвицы

А вмѣсто меню захудалых-ручаюсь!—безконеч-
ная мразь!

И на баранинѣ клеймо: огромной закорюкой
мой клятый глаз!

Пусть красками всѣх афиш и погребальных
объявленій

Будет кричать мое: гви—гва!

Пусть прославляется красный нуль и геній
И лопнет от гнѣва редактора голова!

(из книги „Буг — будды“)

В русской поэзіи „голая чушь“, начиная уже с сим-
волистов, медленно подтачивала кривизной и шерохо-
ватинной билліардный шар обмысленного публикой слова.
Корнеплодство в огородѣ Хлѣбникова, слова изнанкой
— „от трех бортов в угол“—Маяковского, являются
последней попыткой сдѣлать слово замѣтным хотя бы
по яркой дырѣ: но этого уже недостаточно. „Тринад-
цатый апостол изысканного метафоризма—Маяковский
безнадежно орет:

Милостивые Государи

Заштопайте мнѣ душу...

Исторія футуризма—увлекательная повѣсть для Энциклопедическаго словаря, но футуристы **все** забывают: может у них и памяти нѣтъ никакой!...

Так или иначе, будальный Крученых всегда „бьет по нервам привычки“ и теперь уже он, если кто-нибудь, слушая „ноктюрн на флейтѣ водосточных труб“ в его присутствіи „подавится восторгом“ Крученых пропишет: душистое рвотное

(„Восемь восторгов“)

Молафар... озной... озноб... мымз... мылз... эка... мыкыз!... („наступленіе“ и др). Всѣм кто

С чужой Люлей

Невѣстой Брюсова

заплюзганной

глязюли акушеркой

Цлами цлай

Охт зо 5 ч утра . . .

сглазили смокинг!.

Наемь... онота

(„Любвериг“).

На смѣну поэзіи обновлявшей (Бурлюк, Хлюбников, Маяковскій) идет поэзія просто и совсѣм новая. В 13-м году Крученых обнародовал „Декларацию слова как такового“, гдѣ впервые говорится о нѣкоем „свободном заумном“ языкѣ, который „позволяет выразиться полнѣе“:

го—оснѣг —кайд и т. д.

В своем творчествѣ Крученых еще не окончательно расквитался с „умной“ поэзіей, гдѣ стоит на послѣдней ступени безумія, дразнясь и хитро увертываясь от лавроваго листа:

Я спрятался от солнцев
чтоб не сглазили

(из „Во — зро — щем“)

вливается в ногти стальной каприз

(„Будалый“)

Уѣхал в Чагодубію
притворился буддою

(из „Мірсконца“).

В произведеніях написанных на языкѣ „умном“, орбита котораго цѣликом проходит среди т. наз. „обстоятельств жизни“ Крученых наугад, но в математически точных формулах без предѣльнаго вздора утверждает прочность своего ума зашедшаго за разум и дѣлающаго разуму „рожки“.

Здѣсь он внѣ стилия, внѣ всего, что завѣдомо хорошей марки —хотя бы футуристической.

Падая в пропасть, а не с какого-то этажа в лужу, он развивает безудержную инерцію, которая прорѣзывает живот земли. и вот:

Тянуткони
Непонятныя нони.
Звѣрь испугался
Откуда галь ся.

Вмѣсто разслабленной поэзіи смысловых ассоціацій здѣсь предлагается фонологика, несокрушимая как осиновый кол.

Везут осиновый кол
Убьют живых чол

(„Взорваль“).

О чем говорится в этих стихах?

Такія слова, как „нони“ и „чолы“, странны, они туго воспринимаются, не чешут пяток воспоминанія, они тешут осиновый кол на упрямой головѣ людей с хорошей памятью.

И в результатѣ эти стихи будут поняты!

К ним прилипнет содержанье! И не одно, а больше чѣм ты можешь выдержать. Потому что нелѣпость — единственный рычаг красоты, качерга творчества:

„голая чушь“ — чудо!

Поэты символисты, утвердившіе в себѣ союз формы и содержания, были кровосмѣсителями, их потомство рахитично, оно:

Чахоточной ночью выхаркано

в грязную руку Прѣсни

(Маяковскій).

Только нелѣпость дает содержаніе будущему:

Нулево

Пулево

Кулево дыж

(из „Ожирѣнія роз“)

Ягал — млы

(„Бѣгущее“)

хо — бо — ро

мо — чо — ро

(из „Фо — лы — фа“)

Эти слова втираются в кожу сознания, животворя его.

В равной степени они могут излечивать насморк, ревматизм и шератизм:

моя стихина
сильнѣй стрихнина.

Внѣшнія формы и условія творчества Крученых так же нелѣпы, как их сущность. Он „забыл повѣситься“ и теперь не удержимо издает маленькія книжки собственноручно рисуя и шапирографским чернилом. В каждой такой книжкѣ не наберется болѣе 100 букв: двѣ-три фразы, рекламное названіе — вот уже новая книга Крученых, подлинная рукопись, рисунок нестрочье, гдѣ буквы ле-та-ют, присаживаясь на квадрат трехугольник или суковатую поперечину...

Такія книги не исправляются автором, не переписываются, онѣ точный слѣд крови произвольно упавшей из наклоненнаго бумажѣ пера; онѣ пахнут фосфором, как свѣжіе локоны мозга. Вот „Город в Осадѣ“, гдѣ выпускаются на улицу „свирѣпыя вещи“ вмѣстѣ с воззваніем сумасшедших, которые диктуют вслух „наизнанку законы“; „Восемь восторгов“ — приходо расходнаго тетрадъ радостей футуриста; „нестрочье“ заявляющее о „свершенной откровенности“ автора, когда он пишет на родном заумном языкѣ. „Ф/нагт“, „Шбыц“, „ра/ва/ха/“, ... этим книгам нѣтъ конца и не будет:

все хорошо, что
хорошо начинается
и не имѣет конца..

Этими словами заканчивается драма-опера Крученых „Побѣда над солнцем“. Здѣсь он оказывается бѣш-

ым драматургом. Его драму нельзя читать: столько туда вложено плѣнительных нелѣпостей, провальных событій, шаркающих перспектив, от которых станет мутно в головѣ любого режиссера. „Побѣду над солнцем“ надо видѣть во снѣ или по крайней мѣрѣ на сценѣ. Это не „ошибка смерти“ Хлѣбникова, всѣ сидят в одной комнатѣ, разговаривают и входит какой-то неизвѣстный и еще что-то разговаривают и что-то читают.... эту пьесу можно безболѣзненно муслить в кабинетѣ.

Здѣсь сказывается глубокое различіе темпераментов; домохозяйствующій, комнатный схоластик Хлѣбников и летящій на мерикѣ Крученых.

Домашняя мистика не интересует Крученых. В своих крикѣйших произведеніях он любит все сводить к яркой практикѣ ворчешаго ремесла.

То, что безцѣльно путает должно быть выброшено: чорта, съдлавшаго русскую литературу, он превращает просто в дворника, который не хуже других:

И бѣс стал пятиться невольно

Замѣтя что глумлюсь

Щипнул себя, щипая больно

Тебѣ я предаюсь

(„Полуживой“)

В той же книгѣ („Чорт и рѣчетворцы“) вмѣстѣ с побѣдой над чортом заявлена побѣда над „украшеніем ада“—сладострастіем. Величіе этого послѣдняго идола колеблется:

Тебѣ навѣки я отдана

вѣдая вѣдьма изрекла

И вѣтр и звѣрь и дѣва-гадина
Касались моего чела.

(„Полуживой“)

Побѣда над великой Вавилонской Блудницей! Тут впервые наступил момент, когда все разрушено вплоть до апокалипсических ужасов и начинается „Мірсконца“.

Эта мысль — „мірсконца“ — записанная как одно слово, фундамент футуризма. Новый мір уже начался вытѣснив собой всѣ нѣжныя воспоминанія; вот почему футуристы о таинственной, строгой и нѣжной лунѣ — Саломеѣ говорят, что она **сдох**.

Мір не умер, не почил, а именно подох, потому что от него теперь ничего не осталось кроме „блевотины костей“ и „душистаго рвотнао“. Тѣ, что с вѣрою ждуть еще „конца свѣта“ не замѣтили минуты, когда мір погибал! Для Крученых „свѣт“ — преставленіе факта давно совершившійся и даже малоинтересный!... Казалось бы, что „мистическаго“ в ярких клеенчатых бумажках, которыя дѣлает Крученых вмѣсто картин: не то самое нравится дѣтям и дѣти, придя на выставку картин футуристов, совсѣм не боятся бумажек Крученых.

Почему же родители их полны ужаса под маской негодованія и презрѣнія?!

Не потому-ли что тут они не узнают себя, природы, всего, что существует с начала міра и должно существовать до „конца свѣта“! Должно существовать, время еще не пришло, а мексиканскіе тѣм в бумажках Крученых уже ничего нѣтъ! Что это? Издѣвательство? — два черных прямоугольника, из которых один белым матовый квадрат, а другой лакированно блестящая поло

А вдруг в слѣдующій раз он возьмет и наклеит только блестящій или матовый квадрат?! что тогда?! Тогда „конца свѣта“! И с дѣтства привычный для человѣчества страх ни и свѣтопреставленія подымается в душѣ взрослого человека, потому что не замѣтил он как мір кончился и начался снова... без „трубнаго гласа“, мір заумный заоинный.. Для того, кто этого не замѣтил, мір продолжает существовать, но ученые давно заявил в „Побѣдѣ над солнцем“;

знайте, что земля не вертится.

Понимающіе слово-мірсконца **только** как символ творческаго обновленія или чего нибуд еще, — заскакивают вперед, но неудачно, потому что символическое пониманіе вещей не дает дальнѣйшаго постиженія живой и плотской мысли: — мірсконца.

Мірсконца пока еще не символ, а только факт. Только гудѣющій голос Алексѣя Крученых. Только он, Крученых, писавшій вмѣстѣ со всѣми русскими поэтами футуристами и объединившій в своих книгах всѣх русских футуристов художников, которые любовно украшали его „голую чушь“ собственной „чушью“, может теперь, принеся догмат и войну, прокричать:

И так живу

Полый

Протух

Пѣтух мудрости

(„мятеж на снѣгу“).

Мнѣ смерти нѣтъ и нѣтъ убоя в лицо плюют карболкою насмѣшливо как будто пухну от ядопоя а пистолета выстрѣлъ застѣнчиво гаснет.

(„Будалы“).

Но всё эти крайнія нелѣпости, этот театр безумія, является только подходом к иному, еще большому вздору заумному языку. Весь футуризм был бы ненужной затѣей, если бы не пришел к этому языку, который есть единственный для этого „мірсконца“.

Голосом звонким как горлочервонец шекспировскаго обыванца были выброшены первыя будетлянскія слова:

Дыр-бул-щыл
Глы—глы—воггулы
Чагогдубія
го—оснѣг—кайд

Здѣсь впервые русская поэзія заговорила гортанью мучины и вмѣсто женственных: энных, енных, еній, эта глобисторгла букву „Г“,—„глы—глы“. Мужственность выразил не в сюжетѣ, что было бы поверхностно, но в самой серединѣ слова—в его фонетикѣ, как это уже намѣчалос в словах: гвоздь, голандос, Ассаргадон, горилла...

К. Малевич пишет: „Бумг, мумомнг олосс, ачки обгламглы“—в послѣднем Вашем облыг лежит большая мажоранта звука, которая может развертываться, и конечныя буквы дают уже сильный удар, подобный удару снаряда о стальную стенку.

Военный вызов

Ууа—ме—гон—э—бью
ом—чу—гвут—он
за—бью..
Гва—гва... уге—пругу
па—гу...

Та—бу—э—шиш..
Бэг—уун—а—ыз.
Миз—ку—а—бун—о—и
са—ссакууи.
Зарья? Качрюк?!!!

(из книги „Водалый водолаз“).

(Кстати: это стихотворение еще раз докажет востроголовым шкиньянцам, что они **окончательно** не могут отличить Круных от Пушкина.) Стихи должны быть похожи не на жену, а на „грызущую пилу“. Вот какое обязательство принял себя первый заумный поэт — Крученых.

Но это обязательство он выполняет, конечно, так же макак и всякое другое п. ч. он художник, которому не важно давать в русской поэзии эпоху „мужества“ или иную, — он жен жить, оставаясь чистым нулем — он может напр. и поетничать:

ик вик любверик

ікі кри

Карчи! . . .

(„Будалый“)

Ему некогда останавливаться на исторической самооцѣнкѣ ед зеркалом славы, когда „будалая“ эпоха наступила и рятся самая необходимая слова:

Янь юк зель дю гель газ шья жлам низвак, цлам цлай, андалы... А вот милые стихи послѣ которых всяческая необходимость исчезает:

іемень

мень

ень

зья фью ра

зьяньте мя.

(„Дюбовай“)

Таким образом Балерій Брюсов дождался отвѣта на свой ос „гдѣ вы грядущіе гунны?“, а Мережковский простым ом может видѣть „свинью летящую в лазури“.

На заумном языкѣ можно выть, пищать, просить того, чем не просят, касаться неприступныхъ темъ, подходя к нимъ лотную, можно творить для самого себя, потому что отъ нѣя автора тайна рожденія заумнаго слова скрыта почти же глубоко, какъ отъ посторонняго человѣка.

Но заумный языкъ опасенъ: онъ убьетъ всякаго, кто, не буди поэтомъ, пишетъ стихи.

Заумнѣе стихи ему не понравятся, а дверь мышеловки хлопнется сама собой.

Когда-нибудь новый Даль или Бодуэнъ составитъ толковый словарь заумнаго языка общаго для всѣхъ народовъ.

Новый Гротъ упорядочитъ правописаніе.

Тогда явится и новый футуристъ.

И это будетъ нашъ Алексѣй Крученыхъ...

Достоевскій вѣрилъ, что Россія „спасетъ Европу“, в нѣ дни русскій народъ клянется „научить“ ее, у насъ: или все, нуль, или научить или по крайнѣй мѣрѣ проучить, сотворитъ грандіозную мерзость.

Послѣднія морфологическія изысканія Крученыхъ въ „Малахоліа въ капотѣ“ установливаютъ несомнѣнную анальнѣ пракорней русской рѣчи, гдѣ звукъ „ка“—самый значительный звукъ.

какъ та дѣва что спаслась

по поясъ закопавшись въ грязь

(подробно въ книгѣ Крученыхъ „Ожирѣніе розъ“, мой разговоръ съ нимъ на „Малахоліа въ капотѣ“) Европейскій футуризмъ весь въ предѣлахъ нѣкой случайной идеалогіи и техническаго овладѣнія быстротой.

Мы же органичны и безпредѣльны, почему Крученыхъ и изрекъ однажды, что у русскихъ футуристовъ есть наемники: футуристы италіянскіе.

Природныя свойства русскаго языка еще Пушкину дали как-то возможность оскорбить Европу риемой, что связывает существенную анальность нашу с нашим же отношеніем к Европѣ.

Крученых не мог, будучи русским, остаться только русским поэтом-туристом: он позволил себѣ всѣ непозволительные поступки и остался грандиозным нулем как Россія абортировавшая войну: жижа сквернословій Мои стихи самозванные не пишу к ним предисловія

Я весь хорош даже бранный! (из книги дурных слов)
и не будет популярен, его не ухвалишь, он бурный грандіозарь, настолько великій для Чуковских, что они из всего Крученых увидѣли лишь кусок цинкопического коричневаго голенища. Скоро они и вовсе перестанут видѣть Крученых, сусь котораго уже утонула в заумном. Вот послѣднее благожелательно—умное слово,—завѣщаніе Величайши—вам:

И будет жужжать зафрахтованный аэроплан
Увозя мои свѣжія стихины
За башню Эйфеля, за бѣглый океан—
Там ждут их омнибусов спины,
И вновь испеченный—я конкурент мороженой свинины!

Схватят жирные экипажи тонкими руками
Мои поюзги и повезут по всему свѣту кварталов
По Сити, по Гай-Старам
Удивленные люди остановят машины и трамы
И солнце повиснет как бабочка на рамѣ!

Всѣ читать заумь станут
Изучая мою поэтскую суспензю....
Радуйтесь же пока я с вами
И не смотрите грустными.

(из книги Крученых „Будалый“).

И. Терентьев.

А. Крученых

И. Терентьеву на локоны мозга.

В кудри мозга моего
Она заплелась ногами
И завила в излом его
Прижгя горячими щипцами!

Муза подбрасывала угли
Крючками кочерги ног
Скрыть смогу ли?—
Как лягухушку мое сердце прочмокнул Али!...
я был влюбленно—строг...

Отвѣт Терентьева

Мильон я твою чушь
вот как тебя люблю!
монетой звонкой колочу
пластами золотно графлю
создателю поюзг!

А вот еще лучше:
удалый будала
фабула кабула
Карчи, слушай!..
Пок! пок! пугамек.
Тра—ла—ла...

Посвящается Карчи

ража со взломом—твой профиль
рогий пилотский—ограбление касс
в каскѣ твоя голова.

ожаще влюбленный—вы безнадежно сдохли...
ерх прошумѣл черный баркас
колыхаясь едва...

ирода сбоку на прискоку
приводѣ родѣ водѣ... дря..—

Отвѣт Карчи. „Вогарчи.“

Чол чло—ал
жан—чол
чул чуллы
вожулы
фужулы
у—у
чурры
ррр муррр
чол чбой.

.
чьнь чольнь чуленек
чурик
й
чек

(Карчи Кручи „Гол гло—ал“).

